

Несколько строк из репортажа об Авиньонском фестивале 2008 года.

Русского театра в Авиньоне в этом году не было, но русская речь все-таки звучала - актеры Нового Рижского театра играли по-русски спектакль по рассказу Татьяны Толстой «Соня». Режиссер спектакля, 42-летний рижанин Алвис Херманис, давно уже признанный мастер европейского театра. Его последний спектакль, «Звуки тишины» выбрали на первый фестиваль в Неаполе, а его знаменитая «Долгая жизнь», спектакль о жизни стариков, заканчивающих свой век в коммуналке, объездил пол Европы, а в Москве получил «Золотую маску 2007» как лучший зарубежный спектакль сезона. «Соня», показанная в этом году в Авиньоне, из тех спектаклей, которые представляют из себя чистое театральное высказывание, внятное и на редкость цельное. Не случайно, Херманис в том же 2007 году удостоился еще одной награды, "Европа — театру", самой престижной театральной премии мира, в категории «Новая театральная реальность». Как бы не относиться к тому, что делает Херманис, нельзя не признать, что ему удалось то, что случается довольно редко - создать свой непохожий стиль, как раз ту самую «новую театральную реальность».

На представление «Сони», идущей в самую жару, в 15 часов, в большом зале театра Venoit XII зрителей набилось столько, что как говорится даже яблоку некуда упасть. И так все дни спектакль шел на полных аншлагах.

Фото Ек. Богопольская

Алвис Херманис, новая «старая реальность».

Интервью с режиссером после авиньонской премьеры «Сони».

Мы говорим, конечно же, по-русски, я рассказываю Алвису Херманису об истории эмигрантской «Русской мысли» в Париже, а он вспоминает, как жил два года в Нью-Йорке, и когда стала мучить ностальгия, жадно читал «Новое русское слово».

- Алвис, а как вы оказались в Нью-Йорке?

- Это был девяностый год, когда мне еще грозила советская армия, меня пригласили в один нью-йоркский театр. Тогда была в моде перестройка, и они решили пригласить одного настоящего советского актера. Пригласили на один спектакль, но я остался на два года. Очень старался стать американцем, но не получилось, и тогда я вернулся в Ригу.

- То есть по-профессии вы - актер?

- Образование у меня актерское - латышская консерватория. Профессоров у нас было много, но своим учителем я считаю Мару Кимеле, а она училась режиссуре у Эфроса. Для того, чтобы был понятен контекст, нужно сразу объяснить, что латышский театр находился всегда под двумя сильнейшими влияниями: одновременно русской и немецкой театральной традиции. После института у меня сразу началась бурная кинокарьера - я не хотел идти тогда в театр, не видел режиссеров, с которыми бы хотелось работать. Сниматься начал в Риге, тогда в моде был такой неврастенический типаж, но также и на Мосфильме, например, у Игоря Таланкина в картине «Осень. Чертаново». Так что я вернулся в театр снова уже после Америки.
- **Вы уже десять лет руководите Новым Рижским театром. Расскажите немного о вашем театре.**
- Ну, что особо рассказывать. У нас, как и везде в Восточной Европе, репертуарный театр, с постоянной труппой. Коммерческие задачи никогда не были для нас первым посылом, чтобы делать спектакли. Так и до сих пор живем. Поэтому можем себе позволить репетировать долго.
- **Сколько же?**
- Если надо, можно и год репетировать. Был у нас такой спектакль, «Долгая жизнь», он потом очень много гастролировал по миру, в том числе и во Франции, Мы его два года готовили. Спектакль идет без слов, действие происходит в старой коммуналке, где доживают свой век старики. Зимой мы будем гастролировать в Париже со спектаклем «Звуки тишины». Там совсем нет текста, есть только двадцать песен 60-х годов, Саймона и Гарфункеля, действие происходит в той же коммунальной квартире, просто на 40 лет раньше, когда эти старики были молодыми.
- **Действие «Сони», кстати, опять происходит в коммуналке, а декорация – точная копия коммунальной квартиры. Откуда у вас такой интерес к этой теме из нашего общего советского прошлого? Интересно, вы сами тоже жили в коммунальной квартире?**
- Да, я и сам жил. Хотя в «Соне» все-таки есть элемент стилизации, а вот для спектакля «Другая жизнь» мы собирали реквизит по настоящим коммуналкам, где старики умирали. Во время гастролей в Страсбурге, меня журналисты спрашивали: «Как в таких условиях человек может жить?» А я им отвечал, что вот поэт Бродский в такой ленинградской коммуналке родился и вырос, и еще потом Нобелевскую премию получил. Это особый антропологический эксперимент, который называется коммунальной квартирой, создавал уникальные человеческие отношения. Сейчас об этом в Америке докторские диссертации пишут. И мне этот особый антропологический уникум безумно интересен. Очень натуралистически стараюсь воссоздать среду обитания моих героев. Мне кажется именно эти квартиры и собранные в них подлинные вещи намного больше говорят о людях, которые в них живут, чем любые слова. Меня вообще в театре интересуют только очень частные человеческие истории. Знаете, я не очень серьезно отношусь к социально-политической проблематике, так как мне кажется, что сегодня общественная жизнь среднего европейца лишена больших страстей, а в частной жизни всегда будут драмы, ну и комедии, конечно, тоже возможны.
- **Алвис, такой банальный вопрос: чем все-таки вас заинтересовал рассказ Татьяны Толстой?**
- Знаете, прекрасные концепции изобретаются потом, когда работаешь, об этом не думаешь. Так что я сейчас ничего красивого выдумывать не буду. Просто это вещь так просто и так сильно написана! Чем становлюсь старше, тем у меня

театральные вкусы становятся все более старомодными. Всяческие интеллектуальные кульбиты мне надоели. Я верю в театр, где люди могут смеяться и плакать, а лучше и то, и другое одновременно. Я стараюсь рассказать очень простые, но сильные человеческие истории, которые говорят про самое сущностное в жизни. «Соня», или рассказы Шукшина - идеальный пример. Я сейчас под сильным впечатлением Шукшина – как ему удалось так лаконично и чисто в каждом рассказе выразить главное про жизнь.

- **Ваш театр ориентирован в основном на актера?**

- Знаете, я вчера видел «Полуденный раздел» Клоделя, в котором играют великолепные французские актеры, но спектакля нет! И не только потому, что не хватает режиссерского видения. Просто я увидел там абсолютно уверенных в себе актеров, абсолютно довольных собой. И это для меня первый показатель, что там что-то не в порядке. Для меня актер должен быть уязвим, он должен быть в смятении, он должен быть слабым. А если от него веет самоуверенностью, а если он весь излучает радость от самого себя хорошего, тогда все мертво.

- **Вас приглашают работать во Францию?**

- Приглашают, но вы знаете, из тех приглашений, что я получаю, я выбираю только те условия, которые подходят к моему пониманию театра. Поэтому я в основном работаю последние три года в Швейцарии, например в Цюрихе или в Германии.

- **Почему так?**

- Потому что там к театру относятся более серьезно. Я думаю, если бы Станиславский был бы жив, он бы тоже работал в Швейцарии или в Германии. Потому что даже из Москвы сегодняшней идея Станиславского «театр-дом» уходит, мне кажется, что даже его родной театр все больше приближается к бульвару. А в тех театрах, где я работаю, все еще верят, что со сцены нужно говорить только про очень серьезные сущностные вещи в жизни. Сейчас я приступаю к репетициям в Москве, в театре Наций спектакля по 10 рассказам В.Шукшина, но это такой особый случай, потому что там актеры такого уровня, как Евгений Миронов, Чулпан Халматова, которые уже могут себе позволить не смотреть на театр как на место зарабатывания денег. Хотя я думаю, что Москва-самый театральный город Европы сегодня по насыщенности театральными событиями, здесь в самом деле можно увидеть все лучшее, что происходит на сценах всего мира. А вообще я лучше всего чувствую себя в Риге, потому что делать спектакли вне репертуарного театра, без постоянной труппы – по мне это огромная трата времени и энергии. Мы в Риге привыкли, что спектакль играется несколько лет, минимум 200 раз. В той же самой Германии не привыкли долго держать спектакль в репертуаре, там актер даже не знает, что спектакль может развиваться из года в год. А во Франции, насколько мне известно, вообще единственный репертуарный театр - Комеди Франсез.

- **Кто ваш зритель?**

- Кто в наше время до сих пор покупает и читает книги? Я думаю, эти люди и есть наша публика, то есть те, кто предпочитает книги телевидению. И я думаю, 10-12 тысяч таких людей живую сейчас в Риге. Для нас хватает.

- **Вы играете «Соню» на русском языке. Это не вызывает сложностей у театра в сегодняшней непростой ситуации, сложившейся вокруг России и русских?**

- Знаете, у нас все-таки культурная публика, из хороших семей. Конечно, есть в Риге русские, которые прожив здесь всю жизнь, в силу своего презрения к Латвии, так и не выучили нашего языка, и есть латыши, которые свои мелкие

национальные комплексы ставят выше общеловеческих интересов. Но мы таких зрителей не ждем, и нам их мнение безразлично.

- **А какая вообще ситуация театральная в Риге?**

- Мне кажется, в Риге проявляется та общая тенденция, которую мы наблюдаем во всем мире: огромный зрительский энтузиазм, независимо от качества спектакля. Люди устали от виртуальности, и идут в театр по вечерам, чтобы встретить других живых людей. Это как ритуал- купил билет, отключил телефон на два часа. Можешь даже не смотреть на сцену, а думать про свою неудавшуюся жизнь.